

— Не грусти, — сказала Алиса. — Рано или поздно все станет понятно, все станет на свои места и выстроится в единую красивую схему, как кружева. Станет понятно, зачем все было нужно, потому что все будет правильно.

Льюис Кэрролл. Алиса
в Стране чудес

ПРОЛОГ

«Вся эта история напомнила мне далекие армейские годы. Я служил тогда в лагерной охране. Помню, нарядчик сказал одному заключенному:

— Бери лопату и копай!

— Чего копать-то?

— Тебе сказали русским языком — бери лопату и копай!

— Да что копать-то? Что копать?

— Не понимаешь? В крытку захотел? Бери лопату и копай!..

Самое удивительное, что заключенный взял лопату и пошел копать...» (Сергей Довлатов).

Именно поэтому, услышав в очередной раз от друзей: «Пиши книгу!», я открыла телефон и занесла палец над клавиатурой. Только о чем все-таки копать... э-э-э... писать? Нужна ли капля моей исповеди океану современной литературы, кишашему тренированными телами графоманов всех стилей и жанров?

И тут мне подумалось: а не пройтись ли субъективным срезом по американскому обществу, подобно портновским ножницам, которые не знают, на чью задницу они кроют идеальные штаны — миллионерскую, подкачанную персональным тренером, или бедняцкую, откормленную дешевым фастфудом? Ведь дизайнеры, парикмахеры, визажисты и фотографы уравнивают все сословия и состояния перед лицом красоты и стиля.

Может быть, если я расскажу о тех американцах и эмигрантах, которых знаю лично, то впоследствии перед внутренним взором русского читателя будут вставать именно они, а не выхолощенная обоюдной пропагандой примитивная карикатура. Может быть, это моя миссия — стоять, словно дрищ в пока еще целых очках,

зажатый между двумя амбалами, размахивающими ядерными дубинками, и, упираясь худосочными ручонками в мощные грудные мышцы своих друзей, одного — детства и юности, второго — молодости и зрелости, содрогаясь от напряжения и страха, пытаться их разнять и не допустить драки. И прекрасно сознавая, что отхватить можно от любого из них, все равно пищать тонким голосом:

— Ребят, ну не надо. Только не надо войны. Только без войны...

ЧАСТЬ 1

I

Качели!.. Они свесились к Лите откуда-то с большой высоты.

Ну как качели — обычная дощечка на грубых веревках, как в детстве, в саду у бабушки.

Лита взялась рукой за веревку и замерла на краю утеса, перед которым лежало круглое, как наполненная водой чаша, озеро с отражающимися в нем безмятежно застывшими облаками.

Прямо напротив утеса, на далеком противоположном берегу, возвышался белоснежный дворец, и мерная рябь озера смущала белое отражение его величественных башен на поверхности воды.

Это было красивое и странно одинокое место.

Лита нетерпеливо переступила босыми ступнями по шершавому камню и осторожно уселась на перекладину, мысленно отмахнувшись от резонного вопроса, откуда же свешиваются качели, потому что возбуждение уже наполняло толчками низ ее живота упругим предвкушением счастья.

Прохладный ветер коснулся ее щеки, и Лита, слегка помедлив на краю обрыва и покрепче ухватив веревки, с замершим сердцем оттолкнулась ступнями от камня и — полетела.

Качели, как гигантский маятник, понесли ее с неизмеримым размахом вниз, к солнечным бликам на воде, и потом вверх, к приближающемуся дворцу, который стремительно увеличивался в размере так, что на секунду можно было рассмотреть выбеленный солнцем камень стен, снова падая вниз и близко-близко проносясь над рябью воды.

Чувство восторженной жути при каждом взмахе качелей постепенно сократилось до устойчивой радости, и Лита захотела коснуться воды. Пролетая в очередной раз над нижней точкой дуги и крепче вцепившись одной рукой в жесткую веревку, она слегка откинулась назад и вниз и вытянула другую руку.

Вода была прохладной и упругой на кончиках пальцев, когда она разбила спокойную гладь, но отражение дворца в зеркале озера завибрировало тревожно, и рука ее стала соскальзывать с мокрой веревки...

...Рывком сев в постели со всполошенным сердцебиением в глотке, я уставилась в предрассветную темноту гостиничного номера. Выравнивая дыхание, я медленно опустилась обратно на спину и прокрутила сон под закрытыми веками. Пальцы правой руки все еще помнили прохладное прикосновение воды. Отпустила ли я веревку?..

Мысли о вчерашнем дне потеснили сон, и он отступил в глубину моего сознания. Что это был за день!

Изнанка гламурного прикида нью-йоркской Недели моды пошита из болезненных амбиций и ревнивой зависти дизайнеров, холодного цинизма устроителей шоу, галопирующих визажистов и парикмахеров, полураздетых моделей, покачивающихся, как новорожденные оленята, на высоких ножках с копытцами каблучков, и назойливо энергичных фэшн-группы, наряженных в наимоднейшее из имеющегося. Мальчики с напряженными ягодицами в тесных брючках, стреляющие улыбками наугад, девочки-блогеры в неудобной обуви, одетые с очевидно продуманной небрежностью, пиар-агенты с проступающим инеем на надменных лицах — это весь фэшн-Вавилон с его муравьиной иерархией, из которой выбивается только пятая власть, фотографы и видеографы, ибо лишь они способны остановить мгновение, которое потом размножат и сделают историей медиа. А недостатка в остановленных мгновениях здесь не было: съемка бесконечных селфи — это лимб бессмысленного су-

ществования в метавселенной, а мириады цифровых автопортретов — лишь виртуальная пыль на манускриптах нашей эпохи.

Я носилась, раздавая указания, между моделями, командами красоты, помощниками и обрывками их разговоров:

— ...я хожу для трех дизайнеров, не представляю, как я успею переодеться...

— ...хм-м, лицо выглядит нарядно, но посмотрите, у нее шея белая, а щеки желтые — переделайте мейк...

— ...ха-ха, а я ему такая: «Не-е-е-ет, сначала оплаты»...

— ...а стрелку чуть потолще и повыше...

— ...осторожнее ешь пиццу и потом приходи, я помаду поправлю...

— ...он мне такой: «Я тебе привез в подарок кое-что неординарное», а я такая: «Ага, а я потом это лечи, ха-ха!»...

— ...так хвост достаточно высоко?

— ...неплохой из недорогих Фиолетовое Наслаждение, ну или Точка Лило, это можно под водой...

«Что-о?» — последняя фраза меня ментально притормозила, и я изумленно взглянула на Нэнси, пиар-директора компании, высокую худую женщину за шестьдесят с холодным лицом, которая никогда и не пыталась скрывать снисходительное презрение ко всем дизайнерам этого шоу. Особенно к одной хорошенькой девушке, дизайнеру из Индонезии, показавшей изумительную коллекцию скульптурно вывязанных платьев и костюмов. Пару дней до шоу я видела издали, как Нэнси, возвышаясь над крохотной азиаткой, отчитывала ее с надменным видом и как та убежала после этого в уборную. Осторожно последовав за нею, я увидела ее у зеркала поправляющей макияж на покрасневших глазах.

— Ты ок? — эта универсальная американская фраза покрывает весь спектр эмоций, от безразличной вежливости до приглашения порыдать на плече. Девушка настороженно взглянула мне в глаза и, шмыгнув носиком, решила мне довериться:

— За что она меня так ненавидит?

— О, я думаю, она ко всем так относится. Не обращай внимания, у нее же на лице филерами выложено слово «сука».

Азиатка рассыпалась смехом, прикрывая рот своей детской рукой.

Лицо Нэнси на самом деле было заколото ботоксом и коллагеном до состояния вечно недовольной жизнью маски, но прямо сейчас его обычное брезгливое выражение было затейливо-оживленным. «Точка Лило», ага.

«В твоей спальне из игрушек для взрослых только тонометр и оксиметр, — мысленно связвила я. — Ой, эйджизм, фу такой быть».

Мне активно не нравилась Нэнси. Лучше бы она поменяла свой ординарный костюмчик банковского клерка на современную версию, чтобы соответствовать позиции фэшн-пиар-агента. «Раздвигать нужно уметь не только ноги, но и границы собственного сознания. Понятно, Нэнси?» — я мысленно усмехнулась, довольная своей хлесткой отповедью. Конфликтовать с нею вслух я пока не решалась.

Вздохнув, я вылезла из постели, спать явно больше уже не получится, а прогулка по Манхэттену сама себя не совершит. Через пару дней мне уезжать обратно домой, во Флориду.

Всякий город, как и любой человек, имеет свойственное только ему утро. Начало рабочего дня Нью-Йорка обычно хмурое, трезвое и приправленное щепотью безысходности. Если утро Майами — это полусонное, ленивое воспоминание о прошедшей ночи, то для жителей «Большого яблока» это старт еще одного дня, когда оно равнодушно откусит от тебя очередной кусок. Хотя может казаться, что от него откусываешь ты.

Я стояла на автобусной остановке и наблюдала за тем, как утреннее солнце нежно золотило зеркальные верхушки небоскребов. В каменных джунглях Сити, как и в любых других, иерархия потребления света перетекала в направлении строго сверху вниз. На дне этого утреннего леса было все еще сумрачно, душно, пахло выхлопными газами и пережаренным фастфудом, и тут так же

сосредоточенно кипела муравьиная жизнь, слегка напоминающая бег по кругу без правил одетых в немаркое хмурых людей.

«Может быть, как и в джунглях, отливающие золотом утренние окна пентхаусов — это визуальный стимул для тех, кто карабкается наверх?» — я не закончила мысль, садясь в подошедший автобус. Он был по-утреннему полон, но я увидела свободное место и быстро его заняла.

Напротив меня сидел опрятно одетый старик с окладистой седой бородой. Он держал на коленях трехлитровую банку с водой и отрешенно смотрел в окно. Это было странно даже для Нью-Йорка, и я стала с любопытством разглядывать его жилистые крупные руки в пигментных пятнах, обхватившие банку. Неуверенный солнечный луч, падающий из окна, выбелил его бороду и ее перевернутое отражение в дрожащей воде за стеклом банки, внезапно вытолкнув из темноты моего сознания яркую картинку сегодняшнего сна: белый дворец, колеблющийся на поверхности озера, и восторженное ощущение полета, и упругие брызги... В этот момент старик медленно отвернулся от окна автобуса и взглянул мне прямо в лицо чистыми прозрачными глазами.

В них висела странно знакомая мне пустота, когда ее внезапно и мощно торкнула извне грубая сила.

Окружающий нас мир вдруг замедлил движение и звук.

Отражение белой бороды в миниатюрной копии озера внутри банки резко качнулось в сторону и пошло уродливой рябью, одновременно издавая отчаянный скрежет и пронзительную, высокую ноту боли.

Предметы, лица, сумки, чья-то рука с часами под манжетой рубашки, потертые поручни и вздыбленная вода в банке — все вдруг пришло в стремительное поступательно-вращательное движение перед моими глазами, и я только успела зарегистрировать ощущение странной пустоты в животе, словно моим внутренностям отключили гравитацию, перед тем как жесткий кулак резко ударил меня в затылок — и погрузил в полную тьму.